

Работники серебряного века

Публикуемая статья является частью

предисловия к книге «Русская историческая библиотека:

Рекомендуемые издания по русской истории

и культуре» (готовится к печати).

Его Высочайшего

Генерала
Генерал-майору
Беренштейну



ТВО.

Генерал-артиллерийский
Лансере

из «СТАРЫЕ ГОДЫ»

1894 года.

СТАРЫЕ
ГОДЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ
для любителей
искусства и старины
спб. соляной, 7.



Его Высочайшего
Николаю Викентьевичу Лансере

П. Спб. Бомбей ар. 44 кв 16.
по моему адресу

Программа? записка

- 1) Вопросы о помощи
- 2) История восточных
- 3) ...

Беренштейн

Первую попытку вырваться из канонов и традиций варварской культуры европейского средневековья (конец VIII – середина IX века) называют Каролингским обновлением по имени династии, правившей Франкским государством. В крупных городах возникли светские школы, реформировался язык, монахи усердно переписывали греческие и латинские манускрипты, по ним изучали языки и культуру древних, пришло увлечение поэзией, появились рукописные книги, украшенные дивной красотой миниатюрами. В капитулярии «О необходимости занятий науками» Карла Великого помещены параграфы (лат. *capitula*), раскрывающие суть обновления. В них сказано, что управлять державой суверен обязан назначить самых образованных и постоянно печься о просвещении подданных. Карл твердо знал, что опираться надобно на знающих, а беды проистекают от невежества, оттого он и стал Великим.

Вслед за Каролингским обновлением вспыхнули кратковременные Оттонов Ренессанс, связанный с правлением германских королей саксонской династии Оттона I, Оттона II и Оттона III (936–1002); и Возрождение на границе XI и XII веков, сопутствовавшее появлению первых европейских университетов.

В конце XIII века на Апеннинях обнаружилось ростки могучего Итальянского Ренессанса, питавшегося древней культурой, итальянцы пожелали не только подражать грекам и римлянам, но и превзойти их. Во всех областях человеческой деятельности на Апеннинях в XIV–XVI столетиях наблюдался небывалый подъем. Разбогатевшие пополаны (торгово-ремесленная часть населения города), деловые люди, презиравшие пустой досуг и чванливую аристократию, обнаружили, что знаниям сопутствуют богатство, уважение и власть. Они поняли, что не достойно быть богатым и не вкладывать деньги в свое образование и своих детей. Богатство сделалось тождественным образованности, богатый обязан быть образованным, иначе, зачем ему богатство... Болонская коммуна тратила половину бюджета на содержание университета, гордости горожан.

Вслед за кончиной Лоренцо Великолепного его учитель и друг Марсилио Фичино писал о времени правления Флоренцией Козимо Старшего, Пьетро Подагрика и Лоренцо Великолепного (1434–1492): «Это несомненно был Золотой век, вернувший свет свободным искусствам, до того почти уничтоженным: грамматике, красноречию, архитектуре, скульптуре, музыке». Золотым веком назвал это время и прославленный архитектор, живописец и искусствовед Джорджо Визари, добавивший

к нему понтификат Папы Льва X (Джованни Медичи, сын Лоренцо).

Родиной нового расцвета искусства, крупнейшего после Итальянского Ренессанса, сделалась Россия. Философ Н.А. Бердяев (1874–1948) назвал его «серебряным веком, или русским культурным ренессансом». Бывавший во Флоренции и бесспорно читавший философа-неоплатоника Фичино и историка искусств Вазари, Бердяев весьма удачно называл головокружительный подъем русской культуры конца 1890-х – 1917 года Серебряным веком, жаль, век оказался коротким.

Мы привыкли Серебряный век отождествлять с русскими сезонами в Париже, музыкой И.Ф. Стравинского, художниками «Мира искусства», блистательной архитектурой начала XX столетия, молодой поэзией. Описывая и показывая выдающиеся достижения предшественников, скромные работники Серебряного века, воспитывали будущих творцов русской культуры, побуждали к созиданию, вселяли гордость за свою родину, создавали почву для просвещенного патриотизма.

Побудительными мотивами небывалого подъема русской культуры послужили длительное накопление знания и широкая демонстрация успехов в искусстве, философии, литературе. В 1889 году увидел свет четырехтомный «Подробный словарь русских гравированных портретов» с описанием 16 000 портретных гравюр. Автор словаря крупнейший правовед, сенатор, академик Императорской Академии наук, тонкий знаток гравюры, выдающийся коллекционер Д.А. Ровинский осуществил этот труд на основе своего собрания и, таким образом, показал, каких масштабов может достигнуть коллекционирование и какие результаты оно может дать. Словарь открыл мощный пласт русского искусства, до того глубоко скрытый от зрителя. Если портретных гравюр столько, и это еще не все, то сколько всего русских гравюр, сколько живописных портретов, холстов, досок, графики?..

Двадцатитрехлетнему барону Н.Н. Врангелю явилась блистательная мысль – начать изучение портретной живописи с устройства выставки. В 1902 году в залах Академии наук он, никому не известный молодой человек, сумел организовать выставку, она не была представительной, но имела успех, тогда же вышел ее каталог¹. На Врангеля обратили благосклонное внимание.

Идея организации выставки вызвала ревность у самого С.П. Дягилева. В 1905 году в залах Таврического дворца он разместил грандиозную Историко-художественную выставку русского портрета. Из многих имений, дворцов,



П.П. Вейнер

частных коллекций, музеев были свезены в Петербург и экспонированы почти две с половиной тысячи портретов. Благодаря искусному подбору предметов убранство залов погрузилось в атмосферу эпохи. Ничего подобного ни до этой выставки, ни после по масштабу и качеству экспозиции организовать не удалось. Посетители впервые увидели произведения одного жанра, созданные на протяжении двух столетий и обнаружили, что совсем не знакомы с искусством русского портрета и русским искусством вообще.

Предполагалось издание иллюстрированного каталога, его подготовка затянулась, Дягилев увлекся Русскими сезонами и работу не завершил. Негативы



Н.Н. Врангель



отснятых портретов приобрел П.П. Вейнер и использовал их при издании журнала «Старые годы». Краткий каталог выставки все же вышел в срок². К счастью, организаторы не успели возвратить владельцам взятые у них портреты и они не погибли во время массовых разгромов усадеб в 1905 году.

Еще одна грандиозная выставка «Ломоносов и Елизаветинское время» демонстрировалась в 1912 году в залах Академии художеств. Главным комиссаром выставки был Н.Н. Врангель, он разбил экспозицию на семнадцать отделов: «Портреты деятелей эпохи», «Русская гравюра», «Книги и рукописи», «Нумизматика», «Виды и планы городов», «Быт» и др. Посетители зримо, почти физически, оказывались в России середины XVIII века, окруженные исключительно представительной подборкой памятников культуры Елизаветинской эпохи. К открытию выставки удалось выпустить путеводитель и каталог³.

Продемонстрировав достижения русской культуры XVIII и XIX веков, эти

выставки побуждали современников к творчеству. Наряду с появлением новой живописи, музыка, поэзия, архитектура, блистательные театральные постановки позволили русской культуре занять ведущее положение в Европе и, следовательно, в мире. Нам не дано знать, как развивались бы русские искусство, философия, литература и вслед за ними мировая культура, если бы не произошел Октябрьский переворот, который разбил набравший силу Серебряный век, его осколки до середины 1920-х годов лихорадочно поблескивали в среде нищенствовавшей русской эмиграции Парижа, Берлина, Праги.

В Петербурге 1906–1917 годах устраивалось множество превосходных тематических выставок, одновременно выходили журналы «Русский архив», «Русская старина», «Мир искусства», «Старые годы», «Аполлон», «Русский библиофил», «Золотое руно», легко конкурировавшие с лучшими европейскими журналами. Появились превосходно изданные книги, их иллюстрировали

К.А. Сомов, М.А. Врубель, В.А. Серов, А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, О.П. Остроумова-Лебедева, Г.И. Нарбут, Б.М. Кустодиев, Д.И. Митрохин, возникла новая профессия – художник книги. Оживление книжной торговли началось в конце XIX века, из городских особняков и усадебных домов книги хлынули на прилавки. После трагических событий 1905 года на рынок попала масса фамильных библиотек. Журналист И.И. Лазаревский писал: «Немало родовых старинных дворянских библиотек выброшено на рынок из своих тяжелых красного дерева шкафов-хранилищ и попало к антикварам, а оттуда в шкафы новых собирателей, не менее любящих книгу и дорожащих ею, нежели их прежние владельцы»⁴. Появились новые книжные собрания, возникла потребность образования объединения библиофилов, чего в России ранее не было.

В первых числах октября 1903 года в Петербурге на Миллионной улице, 7, в доме городского головы В.А. Ратькова-Рожнова у его сына Ильи собралась группа коллекционеров и библиофилов, решившая объединиться в библиофильское сообщество⁵. Приведем строки из воспоминаний об этой встрече В.А. Верещагина (1861–1931), камергера, помощника статс-секретаря Государственного совета, историка искусств, библиофила, написанных четверть века спустя в Париже: «В один из осенних вечеров 1903 года собралось нас несколько любителей у И.В. Ратькова-Рожнова, обладателя в то время превосходного собрания французских иллюстрированных изданий XVIII века – блистательного юноши, подававшего большие надежды и неожиданно скончавшегося после тяжелой болезни 3 января 1907 года. Были с нами с тот вечер: М.А. Остроградский, Е.Н. Тевяшов, П.Е. Рейнбот – все трое тонкие знатоки и собиратели, И.И. Леман, хозяин большой словолитни и просвещенный коллекционер, и П.П. Вайнер, впоследствии издатель «Старых годов».

Перелистывая шедевры французского книгопечатания XVIII века, которыми было так богато собрание И.В. Ратькова, мы в разговоре коснулись, между прочим, вопроса необычайной, по сравнению с французами, скудной русской иллюстрации, о причинах такой скудности, и о желательности принятия мер к поднятию ее в качественном отношении.

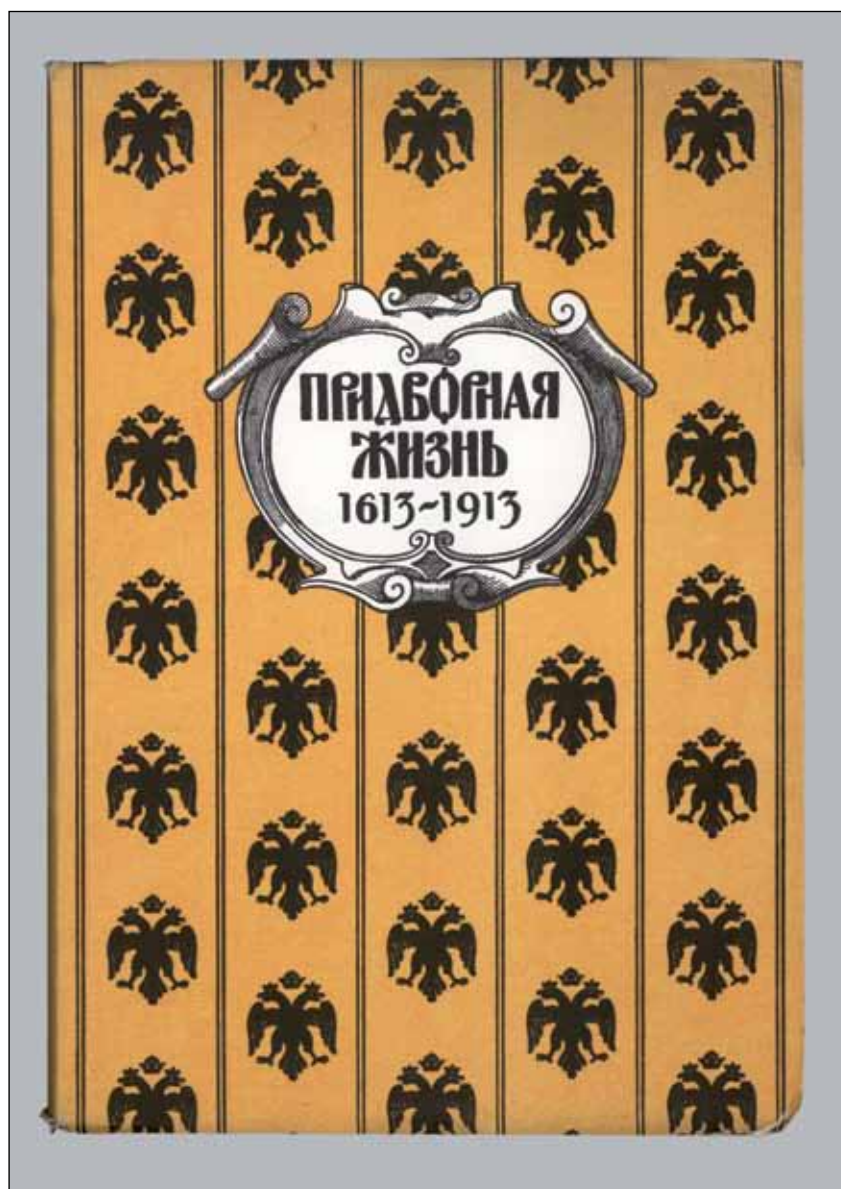
И вот, в числе способов осуществления разделявшегося всеми желания, мной было предложено основать Кружок любителей русских изящных изданий, главной целью которого было бы содействовать поднятию художественного уровня издаваемых в России про-

изведений печатного слова и способствовать сближению собирателей этих произведений... На этом собрании были избраны: председатель – В.А. Верещагин, товарищем председателя – Е.Н. Тевяшов, казначеем – Н.К. Синягин и секретарем – И.В. Ратьков-Рожнов, а также проведены первые выборы действительных членов»⁶.

Товарищ министра внутренних дел 15 октября 1903 года утвердил устав, 12 декабря состоялось первое собрание, на него пришли все двенадцать членов-учредителей. Последнее зафиксированное документально число членов Кружка относится к 1912 году и равно 67⁷. До 1919 года, до распада Кружка, в его члены было принято некоторое число лиц, согласно устава оно не могло превосходить ста человек⁸. Устав весьма четко регламентировал все действия Кружка, его первый параграф гласил: «Кружок любителей русских изящных изданий имеет целью содействовать развитию художественной стороны в издаваемых в России произведениях печатного и графического искусства и способствовать взаимному сближению собирателей означенных произведений».

Денежные средства Кружка складывались из вступительных и ежегодных взносов, доходов от издательской деятельности, аукционов и пожертвований. В 1907 году скончался секретарь Кружка И.В. Ратьков-Рожнов, его отец в память о сыне передал Кружку десять тысяч рублей. Часть этой суммы пошла на приобретение квартиры (Сергиевская, 38), состоящей из трех комнат и зала. В нем устраивались собрания, чаще всего на них проходил обмен мнениями по вопросам библиофильства, заслушивались сообщения, вырабатывались планы издательской деятельности, обсуждалась концепция идеальной книги.

Ядро Кружка составляли лица, превосходно знавшие русскую и западноевропейскую книгу, библиофилы высочайшего класса. На базе своих уникальных собраний они создавали выдающиеся исследования библиографического характера. Председатель Кружка, первый исследователь русских иллюстрированных изданий В.А. Верещагин⁹ причислял к ним книги даже с одной-двумя иллюстрациями. Изящными изданиями он называл книги, эстетические достоинства которых достигаются применяемыми материалами, полиграфическим мастерством, элементами оформления (виньетки, шрифт, интерлиньяж) и др. Соединим понятия иллюстрированной и изящной книги и добавим два условия: принадлежность текста перу выдающегося писателя и создание к нему иллюстраций крупным художником. Такую книгу можно назвать произведением





искусства (например «Корабль дураков» Брандта с ксилографиями Дюрера, «Тупейный художник» Лескова и литографиями Кустодиева). Подобного рода книги и издавал Кружок. Несмотря на малые тиражи и незначительное число, они были замечены, выход каждой из них, включая каталоги, становился событием, их влияние в России ощущается до конца 1920-х годов.

Всего за 1904–1916 годы были изданы 21 книга и брошюра, из них книг, относящихся к художественной литературе – 4, к библиографии – 1 (в четырех выпусках), к искусствоведению – 1, каталогов выставок Кружка – 7¹⁰. Все издания выполнены идеально, они весьма отличались от общего потока книжной продукции. Небольшой издательский опыт Кружка в январе 1912 года на заседании Всероссийского съезда художников в докладе «Художественный образ книги» изложил П. П. Вейнер¹¹. Он сообщил, что члены Кружка любителей русских изящных изданий разработали и приступили к изданию нового типа книги, в котором художник имеет такое же значение, как и автор. Доклад имел успех и был «воспринят как декларация библиофилов новой формации»¹². Члены Кружка понимали, что хорошо иллюстрированная и изданная книга содействует развитию вкуса и побуждает к знаниям. На международной выставке печатного дела и графики, состоявшейся в Лейпциге в 1914 году, отмечался высочайший уровень русской книги и роль в нем Кружка.

После кончины И. В. Ратькова-Рожнова секретарем Кружка избрали П. П. Вейнера (1878–1931), в том же году он сделался издателем, а вскоре и редактором – издателем журнала «Старые годы»¹³. Журнал имел подзаголовок: «Ежегодник для любителей искусства и старины», в течение первых двух лет существования в выходных данных печаталось: «Журнал издается при Кружке любителей русских изящных изданий».

Журнал поглотил Вейнера целиком, он сделался главным делом его жизни. В очень короткий срок редактор-издатель превратил «Старые годы» в лучший историко-искусствоведческий журнал, когда-либо выходивший в России и Европе. В 1911 году Академия наук присудила редакции «Старых годов» золотую медаль имени А. С. Пушкина¹⁴, более почетной награды не существовало. Журнал пользовался огромной популярностью, к мнению его авторов прислушивались музейщики и коллекционеры, за пять лет тираж с тысячи экземпляров вырос до пяти, уже в 1909 году первый год издания продавался по тройной цене. На него подписывались частные лица и учебные заведения. Несколько поколений русской интеллигенции воспитывались на «Старых годах», он насколько не устарел и сегодня.

По случаю десятилетия журнала на заседании Кружка 15 января 1917 года Вейнеру поднесли поздравительный адрес:

«Есть в «Старых годах» нечто прекраснее убористой печати, бисером унывающей строки журнала, и чудесных бархатистых переливов, обильно помещенных на его страницах картинок. Есть и нечто превосходное проявленного в отдельных статьях богатства познаний. Нечто лучезарное просвечивает сквозь серую дымку скромной обложки. Это та именно горячая любовь к искусству как высшему выразителю духовных сил человека и та беззаветная преданность интересам развития его в нашем дорогом отечестве, которым насквозь проникнуто все, что появляется в «Старых годах», от первых печатных в них слов до последних»¹⁵.

В 1911 году член Кружка книгопродавец и библиофил, образованнейший человек Н. В. Соловьев приступил к изданию журнала «Русский библиофил»¹⁶. В журнале публиковались статьи, посвященные истории книги, литературоведению, библиофильству и др. Журнал

получился превосходный, имел успех, но след русской культуре он оставил менее глубокий чем «Старые годы».

Осенью 1911 года в помещении Кружка открылась выставка «С. Ф. Галактионов и его произведения», экспонировались 322 листа из собраний членов Кружка¹⁷. Вслед за первой выставкой еще пять тематических выставок графического и книжного искусства; каждой был предпослан каталог, весьма содержательный и превосходно изданный, их авторами были члены Кружка. Выставки имели шумный успех, благодаря им Кружок сделался широко известным. Великолепно оформленные весьма представительные экспозиции и через почти столетие вызывают восхищение.

Наступил 1917 год и все покатило с нарастающей быстротой – журналы «Старые годы» и «Русский библиофил» перестали выходить, в 1916 году увидела свет последняя книжка, изданная Кружком. После Октябрьского переворота пришла Гражданская война, книги уничтожались и разворовывались, конфискованные и бесхозные библиотеки вывозились на склады, а оттуда – в государственные библиотеки и магазины. Оставшиеся в Петрограде члены Кружка изредка собирались в промерзших квартирах и горестно вспоминали прежние времена. Верещагин и Вейнер пытались сотрудничать с новой властью, первому удалось эмигрировать, второго расстреляли. Безвозвратно уходило прошлое, но результаты деятельности Кружка, зримые, запечатленные попали на благодатную почву, они содействовали формированию уникальной русской интеллигенции. Не всех их разметала и истребила революция, что-то перешло от них к другим поколениям.

С введением НЭПа оживилась книжная торговля, последователи Кружка любителей русских изящных изданий объединялись в библиофильские и другие сообщества, под гнетом власти они продержались по пять-семь лет. Война и блокада Ленинграда нанесли по книгам сильнейший удар, люди страдали от голода, но и от холода, книгами топили буржуйки. Старые библиотеки, уцелевшие в революцию и войну подверглись распылению в конце 1950-х годов, когда начался массовый исход из коммунальных квартир с высокими потолками и бесконечными коридорами, уставленными стеллажами и шведскими стенками, в панельные пятиэтажки с игрушечными распашонками, куда ничего втиснуть не удавалось никакими силами, букинисты не успевали оформлять квитанции, многие великолепные книги перестали принимать, их можно было увидеть на помойках аккуртно связанными бечевкой. Навсегда

исчезли квартиры, пропитанные ароматом старых книг, десятилетиями не проветривавшиеся, со слоями жирной пыли на старинных переплетах.

В XX веке перенасыщенный букинистических магазинов было четыре: вслед за революцией 1905 года, во время Гражданской войны, после 1945 года и в конце 1950-х годов. Но книжные запасы имеют свойство рассасываться, попадая в шкафы новых собирателей. Лучших ленинградских букинистических магазинов, славившихся на всю страну давно уже нет, их помещения оккупировали галантерейные бутики, не пощадили никого. Известно, что до революции в Петербурге оседало втрое больше книг, чем в Москве, это соотношение существенно изменилось. Вспоминая магазин на углу Жуковского и Литейного, где царил П.Ф. Пашнов, думаешь, не причудилось ли все это, однако, сохранились каталоги, чего там только не было... Но полных комплектов «Русской старины», «Старых годов», «Русского архива», «Коронационных альбомов», «Камерфурьерского журнала», Сборников русского исторического общества, Гербовников и др. у него никогда никому отыскать не удавалось. То, чего не было у Пашнова, не было ни у кого. Другой великий букинист И.С. Наумов (Невский пр., 18) с микеланджеловским носом (осколочное ранение), подтянутый, деликатный, суровый учился у А.С. Молчанова, служившего в магазине Н.В. Соловьева, скромного работника Серебряного века, издателя «Русского библиофила», активного члена Кружка любителей русских изящных изданий. Молчанов и сам посещал собрания и выставки Кружка.

Изящная книга, редкая книга, невосполнимая информативно важная книга покинули прилавки и тайные закрома букинистов. Они прочно осели в государственных библиотеках и частных собраниях, многие книги отсутствуют даже в самых крупных библиотеках, многие со временем стали дефектными – не всякий читатель щадит их. Огромный пласт малотиражной дореволюционной литературы оказался в глубокой тени, о ней вспоминают, пожалуй, лишь старые библиографы. Изящная полноценная книга воспитывает, побуждает к знаниям.

Какая же институтская библиотека, даже солидное частное собрание могут считаться полноценными без старой периодики, многотомных исторических сборников, геральдических и нумизматических альбомов? ... А они практически недоставаемы. Выход один – факсимильное издание. И это не так просто. Чаще всего оригинал встречается в плохом состоянии – рваные грязные листы,

утраты, потертости, все это требует кропотливой электронной реставрации. Например, «Собрание русских медалей...» (СПб., 1840–1846) в пяти выпусках сканировалось по двум весьма потрепанным оригиналам; полный комплект многотомного «Исторического описания одежды и вооружения российской армии» А.В. Висковатова составлялся из фондов шести библиотек, находящихся в разных городах. Факсимильные издания изготавливают на особой бумаге, тиражом не более ста экземпляров, и все же, они доступны. Ими могут обзавестись провинциальные библиотеки. Известен библиографический указатель, содержащий наиболее интересную рекомендуемую для переиздания литературу¹⁸.

Н.А. Бердяев очень точно назвал предреволюционный подъем в русской культуре Серебряным веком. Действительно, к творчеству Сомова, Бенуа, Бакста, Стравинского, Фокина более всего подходит это определение. Разумеется, второй раз вспыхнуть одно и то же не может. Серебряный век начинался с показа достижений предшествовавших поколений. Воспроизведение факсимильно выдающихся книг, практически недоступных нашему современнику, может содействовать новому взлету русской культуры.

Примечания

- 1 См. Врангель Н.Н. Подробный иллюстрированный каталог выставки русской портретной живописи за 150 лет: (1700–1850). СПб., 1902.
- 2 См. Каталог, состоящий под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством Историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших в бою воинов. – СПб., 1905. Вып. 1-8.
- 3 См. Путеводитель по выставке «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб., 1912. Каталог выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». Кн. I–XVII. СПб., 1912.
- 4 Лазаревский И.И. Среди коллекционеров. – СПб., 1914. – С. 170.
- 5 См. Верещагин В.А. Кружок любителей русских изящных изданий // Книга: Исследования и материалы. М., 1989. Сб. 59. с. 147–154; Сидорин Я. Из истории русских иллюстрированных изданий // Художник и полиграфист. Из истории русских и советских иллюстрированных изданий: Каталог выставки. – Л., 1981. с. 15–62.; Берков П.Н. Русские книголюбы. – Л.; М., 1967. – с. 225–232; Устав кружка любителей русских изящных изданий //

- Антиквар. – 1903, № 9. – с. 95–103; Враская О.Б. Вступительная статья // Гоголь Н.В. Невский проспект. – Л., 1977; Адарюков В.Я. Воспоминания // Гравюра и книга. – 192?. № 2–3. с. 55–76; Старые годы. 1907. Янв. с. 33–34; 1908. Июнь с. 367; 1909. Февр. С. 95; 1910. Март. С. 54–55; Май–июнь. С. 77–78; 1911. Март с. 38, 42–43; 1913. Апр. С. 48; 1914. март. С. 44; Апр. С. 34–43; 1916. Янв.–февр. С. 100–104; Лурье Ф.М. Голоса «Серебряного века»: Книги, журналы, выставки // Феномен Петербурга. СПб., 2000. с. 178–188; Его же. Кружок любителей русских изящных изданий // Отечественная история. М., 2000, Т. 3. С. 166; К юбилею Кружка любителей русских изящных изданий. 1903–1913. СПб., 1913; Вейнер П.П. «Старые годы», их история и критика // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1984. Л., 1988; там же Вертуховская М.А. Воспоминания П.П. Вейнера о журнале «Старые годы»; Минеев А. Б. Краткий век К. А. Р. И. И. – СПб., 2006.
- 6 Верещагин В.А. Указ. соч. С. 147.
 - 7 см. К юбилею Кружка любителей русских изящных изданий. 1903–1913. – [СПб., 1917].
 - 8 Устав Кружка любителей русских изящных изданий. СПб., 1904.
 - 9 см. Верещагин В.А. Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870): Библиографический опыт. СПб., 1898.
 - 10 Библиография изданий Кружка. см.: Лурье Ф.М. Кружок любителей русских изящных изданий // Отечественная история. – М., 2000. – Т. 3. – С. 166.
 - 11 Искусство. 1912. № 3–4. с. 121–128; Труды Всероссийского съезда художников. Т3. – Пг., 1915. – с. 40–45
 - 12 Берков П.Н. История советского библиофильства. – М., 1983. – с. 82
 - 13 Подробно о журнале см.: Старые годы: хронологическая роспись содержания. 1907–1916 / сост. Ф.М. Лурье. СПб., 2007
 - 14 См.: «Старые годы». 1911. Апрель. С. 54
 - 15 Редактору-издателю ежемесячника «Старые годы». Х. – СПб., 1917. с. 5.
 - 16 Подробнее о журнале см.: «Антиквар» и «Русский библиофил»: хронологическая роспись содержания / сост. Ф.М. Лурье. М., – 1988.
 - 17 Подробнее о выставках см.: Сидорин Я.С. Указ. соч. с. 44–54.
 - 18 См.: Русская историческая библиотека. СПб., «Альфарет», 2007; готовится второе расширенное издание.

© Ф.М. Лурье,
историк,
член Всемирной ассоциации писателей
и Союза писателей Санкт-Петербурга